

НАВІНЫ

Выданьне Арганізацыйнага камітэту.

4 1989

БЕЛАРУСКАГА НАРОДНАГА ФРОНТУ ЗА ПЕРАБУДОВУ «АДРАДЖЭНЬНЕ»

«...новы фашызм пагражае скрываўленай рыдлёўкай, а мы на вачах у даволі абыякавага сьвету бугзем вырашаць, як нам быць разам».

В. ЛАНДСЬБЕРГІС (з выступу на Балтыйскай асамблеі)

Тэлеграма

380004, Грузія, г. Тбілісі, пр. Руставелі, 7.
Правление Союза писателей Грузии.

Дорогие грузинские братья и сестры! В эти скорбные дни варварства и насилия над Вашим благородным народом — мы с Вами.

Мы вместе скорбим над утраченными человеческими жизнями.

Проклятие убийцам и Вечная Память Погибшим!

13 красавіка. Оргкомитет Белорусского Народного Фронта "Адраджэньне", г. Минск.

Ліст Эльдара Шэнгелая

Шаноўныя сябры!

Палітыка перабудовы дала нам падставы канчаткова паверыць у тое, што у нашай краіне настаў канец беззаконьня і усёдазволенасьці, якія так згубна адбіліся на нашай гісторыі, і што мы рэальна, а не на словах стаім на шляху стварэньня прававой дзяржавы.

Але сеньня на наш народ абрынулася бяда, якая перакрэсьліла нашы надзеі — на нашых вачах быў здзейсьнены акт вандалізму: 9 красавіка а 4.00 спецыяльна выкліканая ў Рэспубліку сьпецвойска на бронетранспарцерах напалі на мірны мітынг і, выкарыстоўваючы саперныя рыдлеўкі, дубінкі і атрутныя рэчывы (супрацьдзеяньне якім мясцовым медыкам невядомае), учынілі масавае фізічнае вынішчэньне людзей, у т.л. паслухных удзельнікаў мітынгу, нават галадуючых, што сядзелі на прыступках. Па афіцыйных зьвестках забіта 18 чалавек, сярод іх — 16 жанчын і дзячын (старэйшай было 70 гадоў, малодшай — 16; адна сярод іх была цяжарная); паранены 250 чалавек (чацьвера знаходзяцца ў цяжкім стане). Есьць зьніклія бязь вестак.

Нагодой для хваляваньняў у Тбілісі сталі сетлікі неканстытуцыйныя выступленьні ў Абхазіі 4 красавіка. У горадзе пачаліся дэманстрацыі і мітынгі без ухваньня сьлі і без заклікаў да гэтага. Потым мітынгі і дэманстрацыі выліліся ў рух за далейшую дэмакратызацыю грамадства, за рэальнае ажыццяўленьне абвешчанага Леніным пынцыпу Дзяржаўнага суверэнітэту саюзных рэспублік. Былі выкарыстаныя і радыкальныя лозунгі. Не падзяляючы па-

сутнасьці тых або іншых радыкальных патрабаваньняў неформальных суполак, мы, тым ня менш, лічым іх непазьбежнымі выдаткамі працэсу дэмакратызацыі і упэўненыя, што падобныя патрабаваньні ні ў якім разе ня могуць быць прычынаю найцяжэйшаму, нечуванаму для цывілізаванага сьвету масаваму вынішчэньню, якое можна класіфікаваць, як злачынства супраць народу.

Падкрэсьліваем — гэта ня быў разгон дэманстрацыі, бо шляхі адыходу папярэдне былі перакрытыя войскам, не было адпаведнага паведамленьня пра тое, што зьбіраюцца рабіць войскі; людзей зьбівалі, не даючы ім магчымасьці выбрацца з месца бойні, наносілі цяжкія цялесныя пашкоджаньні і дабівалі тых, хто хацеў уцячы або уратаваць параненых. Характэрная тая акалічнасьць, што салдаты пакалечылі работнікаў міліцыі Грузінскай ССР, віна якіх была хіба ў тым, што яны бяз зброі стараліся абараніць бездапаможных жанчын і дзяцей. Хаця гэта зьяўляецца непасрэдным выкананьнем імі грамадзянскага і службовага абавязку.

Мірных дэманстрантаў забілі не "правакатары", яны загінулі не ў таўкатні (як паведамлялася ў цэнтральнай прэсе, якая заняла тэндэнцыйную пазіцыю, выкарыстоўвала хлусню і ашуканства, жадаючы апраудаць карную акцыю уладаў). Іх забілі ўзброеныя дубінкамі, сапернымі рыдлеўкамі і атрутнымі рэчывамі салдаты сьпецжастак, дзеянні якіх злачынна кваліфікаваць, як "бэрежыны" (гэта таксама паведамлялася прэсаю).

9-га красавіка ў праграме "Время" было абвешчана пра увядзеньне каменданцкае гадзіны ў Тбілісі, і толькі пасля гэтага па рэспубліканскай тэлевізіі а 22.50 выступіў генэрал-палкоўнік Радзенаў, які паведаміў, што каменданцкая гадзіна уведзена з 23.00, г.зн. праз 10 хвілінаў пасля абвешчэньня. Такім чынам, людзі, якія нічога ня ведалі пра гэта і знаходзіліся ў гэты час на вуліцах, міжвольна ператварыліся ў парушальнікаў прадпісаньняў вайсковага становішча. Гэтая злачынная нядбайнасьць цывільных і вайсковых уладаў прывяла да новых чалавечых ахвяраў (па афіцыйных зьвестках забіты адзін чалавек, паранены пяць).

(Працяг на стар. 2)

"НАВІНЫ" — "Век XX и мир", сакавік 1989.

Евгений БУДИНАС

ТЕРНИИ ПРАВДЫ

Итак, в воскресенье, 30 октября в Минске был грубо разогнан элитный городской отделением Белорусского фонда культуры и товариществом молодых литераторов при Союзе писателей республики «Гутэйшыя», но запрещенный Мингорисполкомом десятидневный митинг-реквием в День поминовения предков, «Дзяды».

Стараниями писателей Василя Быкова, Виктора Козько, Алеся Адамовича, Александра Борина, юриста Ларина страна знает историю про то, как люди, шедшие на кладбище с цветами, были встречены плотными рядами милиции, подкрепленной внутренними войсками МВД, мощной военной техникой (водометы, спецмашины для перевозки арестованных), отрядами неприлично одетых людей, со щитами, в касках, вооруженных дубинками и газовыми баллонами.

Уже публично засвидетельствованы и неправомерные действия властей, и явное нарушение законов органами МВД, выраженное в неспровоцированном нападении на граждан, в применении газовых баллончиков и прочих спецсредств, в устрашении мирного населения военной мощью, в незаконном задержании (с применением физической силы) десятков людей, в нанесении нравственного оскорбления и попрании чести и достоинства многих тысяч граждан.

Рассказано и о других октябрьских событиях в Минске — учреждении творческими союзами историко-просветительского общества памяти жертв сталинизма «Мартиролог Белоруссии», создании оргкомитета Белорусского народного фронта в поддержку перестройки. И о последовавшей за этим размашистой кампании против творчес-

кой интеллигенции и молодежных неформальных объединений, апофеозом которой и стало 30 октября.

Общественной комиссией, созданной по инициативе одного из «самозванцев» — как печатно и публично теперь именуются лучшие представители белорусской культуры — писателя Василя Быкова, уже собраны и переданы в прокуратуру республики сотни свидетельских показаний, писем, фото- и кинодокументов, подтверждающих явное превышение милицией дозволенных законом и необходимых мер по обеспечению общественного порядка...

И хотя по-прежнему упорствуют члены комиссии Президиума Верховного Совета республики, продолжая утверждать в печати, что ничего из происшедшего 30 октября не происходило, по-прежнему (правда, с заметной

поутихшим энтузиазмом) городские власти отстаивают свою правоту, по-прежнему руководствуясь МВД республики уверяет общественность, что нарушение закона со стороны органов охраны общественного порядка не совершалось, а прокуратура республики так и не начинает следствия, видимо, дожидаясь еустановки сверху, — всем уже ясно: замаяг дело, не признав правды и не наказав виновных, на сей раз не удастся.

Представляется очевидным и другое: события в Минске имеют весьма значительный и выходящий за рамки провинциального сюжета смысл. Что за ними и как к этому следует относиться?

Пожалуй, проще всего с отставкой на

(Працяг на стар. 2)

(Працяг са стар. 1)

Назаўтра, калі насельніцтва горада спрабавала выказаць свае пачуцці традыцыйнымі знакамі жалобы, вайсковыя патрулі зрываў жалобныя павязкі, разбівалі адзначаныя жалобнымі знакамі машыны, палывалі за імі па вуліцах горада на бронетранспарцерах і танках. Падобныя інцыдэнты мелі месца і пасля афіцыйна абвешчанага усенароднага жалобы.

Трагедыя, якая адбылася ў Тбілісі, зьяўляецца трыгедняй ня толькі грузінскага народу, яна мае міжнароднае значэнне. Мы лічым, што маем справу з прадуманай правакацыйнай акцыяй, якая падрывае асновы і мэты перабудовы.

Трагічныя падзеі ў Грузіі зьяўляюцца самым сур'езным ударам па справе перабудовы з таго часу, як яна была абвешчана. Лічым неабходным, зрабіць гэтыя падзеі прадметам пільнага і зацікаўленага абмеркавання ўсей грамадскасцю краіны.

Сябра Аргкамітэту Народнага фронту Грузіі, кінарэжысер Э. Шэнгеляя.

Зь першых вуснаў

Ч а г е л а ш в і л і Аляксандр (Тбілісі, Гданскі масіу, 7-ы мікрараён, корп. 24, кв. 5): Раней я працаваў на кінастудыі, цяпер — садоўнікам у Батанічным садзе. У тую ноч я таксама быў на мітынг у магу запэўніць: ніхто з уладаў не папярэдзіў пра тое, што будзе прыменена сіла. Я бачу, як на плошчы стаялі машыны і танкі, але ня мог і падумаць, каб салдаты, якія павінны абараняць нас ад ворагаў, пачалі збіваць свой народ. Калі пайшлі танкі, 50 чалавек леглі ўпоперак праспекта, і яны адступілі. Пасля выйшаў патрыярх і папрасіў нас разыйсціся ці прапусціць баявую тэхніку. Але калі 6 мы нават і пайшлі ў царкву, нас усе адно пабілі 6, бо яны знарок да гэтага рыхтаваліся. Хутка танкі пайшлі зноў, на гэты раз ланцугом, каб пазганяць людзей на тратуары. Мы прыцкаліся адзін да аднаго так шчыльна, што цяжка было дыхаць. Сьледам за танкамі ішлі роўныя шыхты салдатаў са шчытамі, у касках, з дубінкамі і сапёрнымі рыдлеўкамі напачату. Рыдлеўкі блішчэлі ў святле ліхтароў. Гэта была сапраўдная псіхічная атака. Сьледам за першымі ланцугамі салдатаў ішлі іншыя, узброеныя сьлезачечным газам і іншай хімічнай зброяй невядамай вытворчасці і назвы. Ім насустрач пайшлі жанчыны і дзеці. Усе думалі, што іх не

насьмеляцца крануць. Але для варвараў і забойцаў нічога сьвятога. Я бачу, як забілі 70-гадовую бабулю. Пасля гэтага я, відаць, ад хімічнага зброі, страціў прытомнасць. Калі апрытомнеў, дык убачу, як салдаты дабівалі параненых. Каля мяне адзін фашыст прыціскаў шчытом да асфальту 5-гадовае дзіця, імкнучыся яго прыдушыць, а ягонныя таварышы па крываваму пагроме збівалі дубінкамі маці. Пра лес гэтай жанчыны і дзіцяці, насколькі я ведаю, нічога не вядома: у сьпісах забітых і параненых іх няма. З рота ў салдату ішла нейкая бела-пенна. Сваю крываваў бойню яны суправаджалі воклічамі: "Получайте за Сталина і Берия!".. Хіба грузінскі народ вінаваты ў іхніх злачынствах?

К е у л і ш в і л і Лаша (Тбілісі, вул. Казе Мэскі, 25): Людзі сьпявалі песні, танцавалі, гралі на нацыянальных музычных інструментах. Пайшла чутка, што падцягнулі войскі, але намеры ў іх мірныя. Самае каштоўнае, што есьць у чалавека — гэта ягонае жыццё. Таму мы верылі, што салдаты нас не крануць. Патрыярх таксама казаў, каб не баяліся, не хваляваліся: галоўнае — не паддавацца на правакацыі. Мы ўкленчылі, маліліся і слухалі патрыярха са сьвечкамі ў руках. Па просьбе патрыярха праспект быў расчышчаны дзеля праезду танкаў, якія мы сустрэлі воплескамі. Калі танкі пайшлі ў наступны раз, мы убачылі ланцугі салдатаў з дубінкамі і маленькімі вострымі рыдлеўкамі. Адразу, як толькі яны наблізіліся да нас, пачалася бойня. Я паспрабаваў уцячы, але ня здолеў, бо было вельмі шмат народу, а бакавыя вуліцы перакрылі салдаты. Мяне павалілі на зямлю і пачалі біць, але майм таварышам удалося мяне адбіць і ураваць ад сьмерці. У гэты час я убачу крываваў рыдлеўкі і балончыкі з газам. Ім пырскалі людзям у твар, яны падалі, пасля чаго іх пачыналі біць дубінкамі ці рыдлеўкамі. Па тых, хто уцякаў, стралялі газавымі вогненнымі кулямі, пра якія я раней нічога ня чуў. Мяне даганялі тры разы, але я уцякаў. Але раптам перада мною разарвалася газавая куля, і я страціў прытомнасць. Калі ачомаўся, дык убачу, як ланцугом паузуць танкі. З апошніх сілаў я адпаузу ў кусты і толькі дзякучы гэтаму застаўся жывы. З кустоў я бачу, як адзін малады хлопец выбег на праспект. Салдат убачу яго і стрэліў. Амаль непрытомны я папаузу дадому. Каля хлебнай крамы бачу дзёвях дзячынак з расьсечанымі галавамі. Паузу да рогу ваяліся мёртвыя і паужывыя людзі. Дома ў мя-

(Працяг на стар. 3)

ТЕРНИИ ПРАВДЫ

(Працяг са стар. 1)

вопрос о причинах упорства властей в непризнании очевидного. Вот как мне (естественно, с той долей допущения, которая неизбежна в условиях едва зарождающейся гласности, когда решения по-прежнему принимаются при закрытых дверях, а распоряжения отдаются неведомо кем) видится цепочка событий:

— городские власти (возможно, по согласованию с вышестоящими) допустили, мягко говоря, ряд ошибок. И вместо их признания принялись заверять всех в своей невинности;

— органы МВД (возможно, не без указаний свыше) наворочили дел. И опять заверения в правомерности и законности действий, покрепленные справкой комиссии МВД СССР о том, в частности, что газы не применялись (вопрос об их применении стал отчето-то ключевым);

— прокуратура республики (возможно, по чьей-то просьбе или под чьим-то давлением) криминала в действиях подразделений и работников МВД не обнаружила. И заверила комиссию Президиума Верховного Совета республики, что и жалоб-то на милицию не поступало. Дело, мол, не стоит вынесенного яйца;

— вышестоящая комиссия заверения приняла и подтвердила, обнародовав свои выводы. (К слову, абсолютное большинство известных мне свидетелей и участников событий, даже из числа выступивших в местной и центральной печати о работе комиссии не знало);

— Президиум Верховного Совета эти выводы утвердил...
Вот уж воистину: чем больше про-веряющих, тем больше нарушающих! А что прикажете делать мне, который все эти заверения и выводы слышал, а все происходящее 30-го видел, о чем и писал в газету?

Мы поступили следующим образом. Собрали с режиссером Ю. Хашенатским фото и кинокадры, показавшие свидетелей, снятые на видео, сделали раскадровку двух попавших в объектив эпизодов с грубым насилием и применением газов, смонтировали в домашних условиях любительский фильм и показали его сначала секретарю горкома партии П. К. Кравченко, который

в октябре был в отпуске и не принимал участия ни в митинге, ни в его разгоне, а потом прокурору республики Г. С. Тарнавскому и его подчиненным, кое-кто из которых, как неожиданно выяснилось, на митинге присутствовал.

— Где же вы были раньше? Отчего своевременно нам это не показали? — вздохнул Кравченко.

В том смысле, что дело уже обнародовано и поезд ушел.

Первый заместитель прокурора республики В. К. Кондратьев, раздраженно прервав мою, как он выразился, «болтовню» на том самом месте, когда я интересовался, нельзя ли разыскать заснятых на видео милиционеров, чтобы спросить их, кто и зачем давал им газовые балончики, взорвался:

— Показали? А вот теперь дока-жите!

В том смысле, что против прокуратуры (!) нам слабо.

И сразу кое-что прояснилось. Ведь если прокуратура теперь не докажет, что никаких нарушений закона 30-го не было, если городские власти не сумеют всех убедить, что поезд уже ушел, а комиссия не отстоит свои выводы, то меры придется принимать и к тем, кто виновников или сознательно прикрывал (возможно, под чьим-то нажимом) или проявлял недобросовестность в работе, обманывая комиссию, а тем самым и Президиум Верховного Совета БССР.

Но раз вынуждены, то и докажут, и сумеют, и отстоят. И тогда уже не им, а мнесташим любительским фильмом и моими опубликованными свидетельствами скорее всего придется отвечать, как в старые и недоброе времена. По статье, которую и в новые времена пока еще никто не отменял. Выход (известный все по тем же недобрым временам) был один: искать понимание и поддержку «выше».

Достоверной информации о происходящем на пятом этаже красивого здания в центре Минска у публики, естественно, нет. Ни у читающей, ни у пишущей. В печати не опубликовано даже сообщение о декабрьской встрече первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Е. Е. Соколова с представителями Союза писателей республики. Дефицит информации всегда восполняется домыслами, догадками и пред-

положениями. И сводится все к главной группе вопросов. Знали или не знали «наверху» о готовящихся мерах по прекращению митинга? Если не знали, то почему? И кто тогда действия органов МВД санкционировал? Если узнали лишь впоследствии, то что именно? Вся ли правда? Если не всю, то почему? Оказались обманутыми или не захотели знать? Что за этим «не захотели»? Не то ли, что знать — это значит действовать: оценивать ситуацию, принимать меры, наказывать виновных? Или бездействовать, не тогда быть осужденными за бездействие. Не в том ли дело, что не знать — просе? Достоверно известно лишь то, что информация «наверх» поступала. И письма, и резолюции собраний, и телеграммы, и звонки. Не говоря уже о материалах прессы.

И вот в кабинете Председателя Президиума Верховного Совета республики Г. С. Таразевича я вижу... в некоторой степени растерянного человека. Что, впрочем, вполне естественно, когда на столе у тебя лежат официальные отписки, утверждающие одно и весьма желанное, а перед тобой сидит живой и внешне вполне нормальный очевидец, свидетельствующий о противоположном, к тому же чрезвычайно неприятном.

Необычная ситуация, непривычная реакция вчера еще такой послушной общественности, неожиданное поведение вчера еще такой «ручной» прессы. Раньше-то чего просе... Запретили митинг, его бы и не было. Да никто бы и не просил!.. А если уж прокуратура сообщила, комиссия завершила, Президиум постановил, пресса обнародовала — тут уже все. Точка. А теперь... Эти статьи, эти фотоснимки и фильмы, эти живые свидетели и пострадавшие... Кому верить? Самому что ли бросать государственные дела и идти разбираться?

Трудно. Непривычно. Непонятно. Столица республики, еще вчера удивлявшая страну спокойствием и размеренностью общественной жизни, бурлит как котел. Растет недоумение, destabilизируется обстановка. И обвиняются во всем власти...

В этой беседе с Г. С. Таразевичем, пытаюсь каждый по-своему оценить ситуацию, мы сошлись, пожалуй, только в том, что объяснений происходящему

может быть два: неумение, неподготовленность должностных лиц к работе в новых условиях, их неосознанность, а где-то и прямо глупость или... Или преднамеренность.

Про неумение и глупость оставим. Речь идет не о нашаливших мальчишках, а об опытных, знающих свое дело работников, не однажды проявлявших себя.

Тот же заместитель министра внутренних дел К. М. Платонов, руководивший, судя по кинокадрам, «прекращением» митинга, умно и в высшей степени профессионально вел себя, «усмирив» однажды несанкционированную демонстрацию «афганцев»: сумел выйти один на один с колонной разбушевавшихся парней, найти с ними общий язык, избежать применения силы и столкновения. И если на этот раз он пошел на обострение, на конфликт, предположить можно только преднамеренность. Но в чем логика, где смысл?

С К. М. Платоновым понятно: так безоглядно действовать может только человек, выполняющий чей-то приказ, как минимум — чью-то установку. Жестокость ведь проявлялась к людям, не только не провоцировавшим ее, но даже не оказывавшим сопротивления, она носила, таким образом, наступательный характер.

Направляется мысль о попытке спровоцировать конфликт, подогреть, накалить ситуацию. Все поведение милиции свидетельствовало о политической подготовке, об «ориентации» личного состава, точнее, о его умышленном дезориентировании.

Кто же так «подставил» органы? И зачем? Уж не для того ли, чтобы потом показать «наверху» (милицией даже снимался специальный фильм), до чего дошли эти «распоясавшиеся» интеллигенты и неформалы? А это — зачем?

Трудно предположить столь дремучее непонимание властями того, что всякое демонстративное насилие вызывает протест, приводит к консолидации сопротивления, к осложнениям и даже трагическим последствиям.

Пойти на это можно только от безысходности, только отчаянно спасая себя и сжигая мосты к отступлению. Могло ли быть у определенных сил в

(Працяг на стар. 3)

ЗЬ ПЕРШЫХ ВУСНАУ (Працяг са стар. 2)

не дужа забалела галава, живот, на цэле з'явіліся чырвоныя плямы. Каля 11.00 я апынуўся у шпіталі. Далібог, я нічога ня маю супраць рускага народу, і я зауседы быў шчыры да сваіх рускіх братоў. Я выдатна разумею, што здзейсніў гэтае крывавае злачынства ня рускі народ, а ягоны бяздарны, тупагаловы і бязьлітасны урад, які здольны на любы акт вандалізму супраць свайго народу.

Г а г і ш в і л і Георгі (Тбілісі, вул. Дзідубінская, 17): Такого шаленства я ня бачу нават у хроніцы па тэлевізіі. Людзі сьпявалі, танцавалі. Два разы мы прапусkali танкі, але усе думалі, што нас проста палохаюць, а зброю ужыць не адважацца. Нечакана наляцелі салдаты у касках са шчытамі. Першыя ішлі з дубінкамі, другі шыхт — з вострымі рыдлеукамі. Пачалася паніка. Людзі падалі. Па усім пляцы несъліся крыкі: "Памажыце! Дарогу! Разьбілі галаву! Расьсеклі руку!". Увесь прасьпект быў заліты крывею. Майго сябра паранілі, я схопіў яго пад пахі і пацягнуў. Каля таго месца, дзе стаялі салдаты, я убачу нейкія пляшкі. Раптам пачуўся выбух. Адрозу ж закружылася галава. Дзьве гадзіны я блукаў па горадзе і толькі пасья знайшоў свой дом. Узыйшоўшы на ганак, я упаў непрытомны. У шпіталь мяне прывезьлі на хуткай дапамозе.

А р а б у л і Марыя (Тбілісі, вул. Нуцубідзэ, 221 -- 1 -- 29): Я выйшла з дому а 22.00. А 23.00 была ўжо каля Дома Ураду. Там сьпявалі песні, танцавалі, чыталі вершы. У тры гадзіны ночы пачаўся дождж. Ніякіх агрэсіўных выкрыкаў не было. Чулі, што паблізу стаяць танкі, але ня думалі, што будзе напад. Калі баявая тэхніка наблізлася, дык кіраўнікі мітыngu абвясцілі у мікрафон: "Саступіце дарогу і ня бойцеся, страляць ня будуць!". Пяць танкаў спынілася каля Дома Ураду. Народ пачаў пляскаць у ладкі. Калі танкі паехалі, я пачула крыкі. Гэта напалі салдаты. Над натоупам павіс шэры туман. Дыхаць стала цяжка. Нехта сказаў, што пусьцілі газ, і мы усе памром на месцы. Пачалася паніка. Хутка ад газу, ад таукатні людзі пачалі падаць. Я таксама страціла прытомнасьць, упала. Па мне тапталіся і людзі, і салдаты. Адначага я апрытомнела, відаць, ад болю. Пачала ўжо

разьвітвацца з жыцьцем. Але мяне нехта з мужчынаў падхапіў і адцягнуў у бок. Паўзком я дабралася да храма. Зь яго вакна я бачыла, як салдаты хапаюць галадуючых і шпурляюць іх, нібы мяхі зь пяском, уніз на зямлю. Мы зачынліся ў храме, але салдаты пачалі ламаць дзьверы. Каб не грузінская міліцыя, якая білася зь імі каля дзьвярэй, дык яны, мабыць, усіх нас забілі б. Балончыкі з газам у царкву яны усе ж закінулі. Я зноў страціла прытомнасьць. З храма ў шпіталь мяне завезла хуткая дапамога. Ганьба забойцам жанчыні і дзяцей!

Запісаў у тбіліскім шпіталі
В.Сядоў.

Тбілісі. 15 красавіка

У гэты дзень грузінскі народ праводзіў у апошні шлях сваіх бязьвінна забітых сыноў і дачок. Да месца крывавай бойні адусюль ішлі людзі. Усе падыходы да Дома Ураду былі усыпаныя жывымі кветкамі, дрэвы абвязаныя жалобнымі стужкамі. Уздоўж прасьпекту Руставэлі стаялі мужчыны са схіленымі чорнымі сьцягамі у руках. Плакалі жанчыны, мужчыны, падлеткі. Нельга спакойна глядзець ім у вочы. Няужо чалавечыя жыцьці можна адабраць так проста? Без вайны, без стыхіі -- пасярод галоўнай плошчы мірнага горада? Дзе ў наступны раз зьявіцца прафэсійныя забойцы з газам і сапернымі рыдлеукамі? Якое апраўданьне можна знайсці гэтаму?

Нават у гэтую жалобную хвіліну войскі не былі выведзеныя з плошчы. Узброеныя аўтаматамі дэсантнікі пільна сачылі за парадкам жалобнай працэсіі. Каго і чаго баяліся ўлады? Помсты за бязьвінна пралітую крыву? Хіба ў чарговы раз не засьведчаньня былі гэтым іхнія поўнае вар'яцтва і амаральнасьць?

Ня глядзячы на хорсткую забарону вайсковага каменданта праводзіць любыя акцыі салідарнасьці, на плошчы перад Домам Ураду была ускладзена жалобная стужка з надпісам: "Ахвярам 9 красавіка ў Грузіі. Беларуска Народны фронт". Што можа быць больш людскае і блізкае чалавечай душы і народу, чым спачуваньне і маральная падтрымка ў хвіліну смутку?

Жанчыны ў сьвязях цапавалі гэтую стужку, ведаючы, што ў бядзе яны не адны. Пахлы мужчына. Зь (Працяг на стар. 4)

ТЕРНИИ ПРАВДЫ (Працяг са стар. 2)

городе и республике это ощущение безысходности и надвигающегося краха? И что это за силы?

Позволю себе собственную версию положения и расстановки сил.

С одной стороны — очевидные народнохозяйственные успехи республики на фоне страны, находившейся, мягко говоря, в предкризисном состоянии. Долговременный и последовательный рост экономических (промышленных, сельскохозяйственных) и социальных показателей (даже мяско на прилавках магазинов), утверждающий руководящее в правильности избранной и успешно (сравнительно с остальными регионами) осуществляемой хозяйственной, экономической стратегии, как бы не нуждающейся в коренной перестройке.

С другой стороны — вмешательство в эту сферу творческой интеллигенции, естественно, не удовлетворенной лишь относительными на фоне кризиса успехами, обеспокоенной экологическими последствиями интенсификации, — той же мелiorации, химизации, развития энергетики, в том числе и атомной. Справедливости ради отметим, что это вмешательство, чаще всего озобоченное и страстное, не всегда оказывалось столь же компетентным и профессиональным (обязан ли писатель или газетчик быть профессионалом в том, о чем он пишет, — вопрос отдельный). Порой оно и вовсе обрело характер нападков, иногда и спекулятивного свойства. Взаимное непонимание вело к конфликту, к тому, что руководство и творческая интеллигенция начали говорить как бы на разных языках, плохо понимая друг друга.

Этой ситуацией умело воспользовались некоторые руководители и активисты идеологического сектора, где дела обстояли далеко не так хорошо, как в хозяйственном, успехах которого они прикрывались. Здесь безраздельно властвовали идеологи аппарата, державшие всё и всех в железных руках, если не сказать, в ежовых рукавицах. Всякие попытки поднять голос решительно и активно пресекались. Проблемы языка, национальной культуры, истории, образования, печати не решались и даже не обсуждались, а лишь накапливались, достигали критической мас-

сы, что неизбежно вело к взрыву.

Волна перемен, пусть не сразу, но докатилась и до белорусской столицы. Некоторым из руководителей идеологического сектора, остающимся в своих местах и при своих убеждениях, был публично предъявлен счет. Безраздельная власть аппарата пошатнулась.

Вчерашним (по методам и мировоззрению) идеологам оставалось два выхода: или перестроиться, или уйти. Судя по всему, они выбрали третий. Спасая себя, свои должности и собственную судьбу, решились на отчаянный и преступно безответственный шаг: столкнуть интеллигенцию с руководством, любой ценой убедить последнее в том, что разговоривать с «экстремистами» из творческих союзов можно только на языке сил.

Взаимное, старательно подогреваемое непонимание руководства республики (к тому же изрядно обеспокоенного примером соседней Прибалтики) творческих сил способствовало успеху этой, казалось бы, сумасбродной затее. Как показали события 30 октября, достигла определенных успехов и яростная пропагандистская кампания, развращенная с явной целью вбить клин между рабочим классом и интеллигенцией и даже натравить на нее милицию. Теперь идеологические начальники последними усилиями и любой ценой пытаются создать видимость, что ничего не случилось.

Мне кажется, именно это понимал и предвидел Алесь Адамович, утверждая в «Огоньке», что Минск заслужил печальную репутацию антиперестроечной Вандеи. И не просто Вандеи, как ему печатно и публично инкриминируется, а «Вандеи стараниями некоторых общественников и идеологических начальников», часть которых он назвал поименно.

События 30 октября и крики в ответ на наступление милиции: «Вандея! Вандея! Вандея!» эту печальную репутацию подтвердили.

Тем не менее, ничего противоестественного, а тем более неожиданного, в Минске не произошло. Все естественно и нормально, если мы действительно живем в пору ломки общественного сознания, если мы не играем в революцию, а делаем её. Нормально, ровно на столько, на сколько вообще может быть нормальной революция. Она ведь не от хорошей жизни и потому не бывает мягкой. Жизнь

ведь не агитпункт, где «создаются все условия для исполнения гражданского долга».

Конечно, оторопь берет. И не столь даже от вероломства случившегося, сколько от того, как мелко ведут себя «нашавившие», как увливают и выкручиваются. К этому мы оказались не подготовленными.

Хотя прекрасно понимали, на что шли. Еще когда только думали о совершенствовании хозяйственного механизма и ломали перья, упираясь в стену. И в конце концов, каждый своим путем приходил к догадке, что дело не в экономических и хозяйственных реформах, а в политической борьбе, в создании новой политической системы. Но политическая борьба — это борьба за власть, которую, как известно, без боя не отдадут.

Кто сказал, что процессы оздоровления общества должны быть равными и безболезненными? Где вы видели нарушителя, который признается раньше, чем его приперли к стенке?

Мы сетуем, что война идет «не по правилам», но разве мы настолько наивны, чтобы надеяться только на прямой и честный диалог? Без использования сторонними преимуществ? У одних, отождествляющих себя с партией и присваивающих себе идею обновления общества, преимущество в силе власти, но и слабость — их пошатнувшийся авторитет, их опустылевшие, изживающие себя методы. У других — преимущество новаторства и инициативы, но зачастую путаность позиций, неопытность и отсутствие выдержки.

Впрочем, проявленные 30 октября в Минске выдержка и дисциплина в ответ на провокацию и насилие — это уже победа прогрессивных сил.

Вообще в этой печальной «провинциальной» истории немало поводов для оптимизма. Ведь живем-то уже по-новому. И уже немало добились. Когда это было, чтобы идеологические начальники приходили к нам на собрания и просили не бить в колокола, а колокола бы гудели?

Чтобы газету заставляли публиковать клевету, а она не публиковала? Чтобы газете запрещали печатать правду, а она ее печатала? Чтобы митинг не разрешали, а он проходил? Чтобы в творческих союзах не сорились и не сводили друг с другом счеты, а консолидировались и действовали заодно? Чтобы митинг разогнали, пре-

вышая законные меры, а потом отвечали за это...

Стоп. До этого мы пока не дожили. За это еще надо биться. Действовать. Но и отвечать за свои действия. Запретили митинг без должных оснований — отвечать. Пошли на запрещенный митинг — тоже отвечать. Служком? Обидно? Но мы ведь сами выбрали этот путь. И теперь так будем жить довольно долго. Потому что мы еще только демократизируемся и до поллиной демократии нам пока еще далеко. Кроме того, не следует отождествлять демократию и справедливость. Демократия это только путь к справедливости, который никогда не бывает легким.

Впрочем, оптимизм невольно омрачают тревожные размышления. Сейчас, как бы стремясь в республике к конструктивному диалогу, многие «наверху» говорят об уроках этой истории. Ссылаются на неопытность. Надо, мол, учиться демократии, учиться жить и действовать в новых условиях. Первые уроки, мол, получены.

Ну, а если это не уроки, если это первые санкционированные шаги антиперестроечной Вандеи, переходящей в наступление? Упорство властей в нежелании признать и исправлять ошибку, новые публикации с шельмованием в старом духе, новые высокие назначения прежних лиц, новые поступки минских градоначальников, вынудивших белорусских молодых неформалов провести свой съезд в Литве (!) — все это, плюс отсутствие гласных оценок событий со стороны верхних этажей власти, позволяет допустить худшее. И требует бдительности и мобилизации усилий. Потому что, если это так, и если антиперестроечная Вандея, перейдя в наступление, возьмет верх, то нам, говоря словами из выступления члена Политбюро ЦК КПСС А. И. Яковлева в Перми, «может грозить не просто возврат к прежнему, к временам застойного сознания, но торжествующий свою победу, агрессивный и метастающий консерватизм». И вопрос А. Нуйкина, прозвучавший за «круглым столом» бюллетеня «Век XX и мир» — «с кем окажется армия, если у нас перестройку решат ликвидировать насильственным средством?» — становится острее не преждевременным. На чьей стороне могут оказаться подразделения МВД мы уже увидели в Минске 30 октября.

(Працяг са стар. 3)

ТБІЛІСІ. 13 КРАСАВІКА

якім я разгаварыўся пазней, сказаў мне: "Дзякуй вам, браты-беларусы. Я вызваляю вашу зямлю ў гады вайны. Мы ваявалі супраць агульнага ворага, і я ніколі ня думаю, што салдаты могуць забіваць свой народ... Дзякуй вам за падтрымку ў цяжкую для Грузію хвіліну".

В. Сядоў

Тэлеграма

380004, Грузія, г. Тбілісі, ул. Лаеелідзе, 2. Союз кінематографістаў Грузінскай ССР. Эльдару Шенгелая.

Мы, рабочыя, слухачы, студэнты, прадставіцелі творчасці інтэлігенцыі Мінска, асновываючыся на публікацыях у рэспубліканскіх партыйных выданнях ("Палітычны сабеседнік", "Вечерні Мінск" і др.); на фактах искусственнага стварэння ў Рэспубліцы астрой палітычнай канфронтацыі паміж партыйнымі і народным, палітычнымі расправамі з актывістамі руху ў зашчыту перастройкі, сплывітыхся вакол Оргкамітэта Беларускага Народнага Фронта, і преднамереннага разжыгання іменна ідэалагічным кіраваннем міжнароднай розні ў Рэспубліцы; а таксама прасматрелі фільм аб трагічных падзеях у Тбілісі (Адпаведныя відэаматэрыялы былі зняты кінематографістамі Грузіі, перададзеныя ў Саюз кінематографістаў Беларусі 16 траўня 1989 года паказаны ў Доме кіно ў Мінску. Асобная відэастужка нагадае глядачам пра падзеі 30 кастрычніка. Тэлеграма была складзена пасля гэтага прагляду. -- Рэд.), пратэстуем супраць прызначэння Г.С. Таразевіча, Прэсідэнта Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларусі, прэсідэнтам палітычнай камісіі па расследаванні прастоуплення супраць мірных жыхароў Тбілісі.

Г.С. Таразевіч -- адін з галоўных віновнікоў генеральнай рэпетыцыі грузінскіх падзеяў, імаючай месца ў Мінску 30 кастрычніка 1988. Он жа спосабстваваў многачысленным грубейшым парушэнням Закона аб выбарах, працягваючыся пад яго кіраваннем і поньне!

Мы ўбедзены, што ў сілу невысокіх чалавеческіх якасцяў і адсутнасці новага палітычнага мыслення Г.С. Таразевіч, як адін з актывных прадставіцеляў антыперастрочных сіл, не ў стане аб'-

ектыўна і прынцыпальна ацаніць падзеі ў Грузіі. Он толькі усугубіць сітуацыю.

Мы вараваем не даверіце Г.С. Таразевічу як прэсідэнта палітычнай камісіі па расследаванні прастоупленняў у Тбілісі і лічым сваім абавязкам паставіць у вядомасць аб гэтым абавязковасць Грузіі.

Абращаем увагу, што грузінская трагедыя прастоупіла ў значна большай меры таму, што не былі прыцягнуты да адказнасці і партыйнай адказнасці віновнікі прастоуплення супраць мірнага насельніцтва Мінска 30 кастрычніка 1988 ва ўраце правядзення Дня памяці умерлых -- "Дзяды".

Мы глыбока скорбім па невінна забітым людзям, выражаем сабалеэнаванне іх родным і блізкім, усяй Грузіі, і трэбуем прыцягнуць да адказнасці істотных віновнікоў парушэння Усеагульнай Дэкларацыі прав чалавека, Венскай канвенцыі, ленынскіх прынцыпаў пастроення гуманнага абшчэства.

Хватіт вбываць клін паміж прадставіцелямі розных нацыянальнасцяў, стравліваць іх паміж сабой ў угоду антыперастрочным сілам і адвлекать ад рашэння неотложных задач перастройкі.

Па паручэнню прысутствававших на саборы (Прысутнічала каля 200 чалавек. -- Рэд.):

Евгеній Будынас, член Саюза пісателёў СССР; Олег Белоусов, секретарь Саюза кінематографістаў БССР;

Зенон Пэзняк, прэсідэнт абшчэства "Мартыралог Беларусі";

Наталія Котвіцкая, член экспертнай групы пры Оргкамітэце БНФ "Адраджэньне".

(Тэкст тэлеграмы прыняты адзінагалосна. Аналагічныя тэлеграмы накіраваныя Старшыні Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР тав. М. Гарбачову, Саюзу пісьменьнікаў Грузіі, у рэдакцыі газет "Московские новости", "Известия", часопіс "Огонек", народным дэпутатам СССР Аляксю Адамовічу, Васілю Быкаву, Аляксандру Дабравольскаму, Аляксандру Жураўлеву.).

Па тэхнічных прычынах набор гэтага тэкста зроблены без трох літараў беларускага алфавіту. У наступным выпуску гэты недахоп будзе ліквідаваны.

"НАВІНЫ" -- Кам'яніца цеса" (Вільня), 20 красавіка 1989.

ТРАГІЧЕСКАЯ НОЧЬ В ТБИЛИСИ

Репортаж обозревателя «Литературной газеты», ставшего очевидцем событий в ночь с 8 на 9 апреля

Слишком мало времени прошло с этой трагической ночи, чтобы осознать сложную ситуацию, которая привела к побегу на площади перед Домом правительства.

Начавшыся во вторник 4 апреля самовольные собрания довольно быстро слились с повесткой дня абхазский вопрос. Уже со среды начались голодовки на площади и непрекращающийся митинг, на котором лидеры неформальных объединений ставили вопрос о необходимости суверенитета Грузии.

Митинг, проходивший 8 апреля, мало чем отличался по форме и содержанию от приходившего накануне.

Площадь была запружена народом. По моим подсчетам, там было до 10 тысяч человек, часть из которых сидела на тротуарах, часть стояла на мостовой и на другой стороне проспекта.

Приблизительно в 3.30 утра у микрофона появился патриарх -- набожный Илия II, который сказал, что, по имеющимся у него сведениям, возможно применение силы для очистки площади. Он призвал всех покинуть улицу и отправиться в церковь. Однако демонстранты отказались покинуть свои места, хотя все -- и организаторы митинга и его участники -- знали, что на площади

Ленина в готовности стоят войска и боевые машины. По проезжей части проспекта бежали люди, призывая всех уйти на тротуары и не проявлять агрессивных действий по отношению к солдатам, которые выполняют приказ. В четыре утра без предупреждения четыре бронетранспортера, выстроившись в линию, двинулись по улице со скоростью километра десять в час. К этому моменту мостовая была очищена самими демонстрантами. Пропустив машины, толпа сомкнулась. Следом за бронетранспортерами шли солдаты в бронжилетах, со щитами и дубинками. Оказавшись перед линией людей, они остановились.

Я был метрах в пяти от противостояния, слышал крики. Какая-то женщина бросила в строй туплю. Возможно, кто-то из собравшихся проявил несдержанность, хотя на митинге призывали к непротивлению. Камней, палок в этой фазе драмы я не видел.

Затем, словно по команде, взметнулись дубинки. Из боковой улицы вышли другие группы солдат. У кого не было дубинки, пользовались саперными лопатками. Солдаты стали теснить демонстрантов, которые активно сопротивлялись. В ход пошли

камни, палки, выломанные ту же из ограждения, дубинки, отобранные у солдат. Кто, не успев убежать, остался за линией цепи и спрятался в кустах, надеясь спастись, оказался ранеными. В убегающую толпу полетели гранаты со слезоточивым газом. Одна граната упала рядом со мной. Разная боль в глазах, слезы не давали снимать. В возникшей панике толпа бегала по тем, кто не смог оправиться от сильных ударов по голове, и по тем, кто не смог выдержать гоним и упал. Не успев вернуться от удара, я получил по спине дубинкой и побежал к улице Джорджиашиви, пряча аппарат под куртку.

В течение часа проспект был очищен от демонстрантов. На мостовой остались камни, разбитая видеонамер, вещи и несколько автобусов и грузовиков, которыми демонстранты закрыли основные улицы и проспект, защищаясь от возможной танковой атаки.

Утром 9-го в больницах была оказана помощь пострадавшим от ударов «тупыми и режущими предметами», от отравления не известным газом, вызывавшим сыпь и удушье. На стенах были вывешены списки ста пятидесяти пострадавших и погибших. Среди шестнадцати трупов -- че-

тырнадцать женщин. Старшей из тех, что я видел, лет семьдесят. Младшей -- лет шестнадцать-семнадцать.

Пострадало девять солдат и милиционеров. 9 апреля по городу ездили машины с черными лентами и выключенными сигналами. В больнице № 1 из мерга группа людей взяла трупы, чтобы отнести их в церковь Сиони. Прибывшие войска разогнали попытку этой демонстрации. Выстрелами прямо из кабины проезжавшего ГАЗ-66 были ранены несколько человек. Одного из них, 13-летнего мальчишку Левана Чанадари, который держался молодцом, я помог доставить в приемный покой. В тот же день были арестованы пятеро лидеров радикальных неформалов.

В 22.55 по местному телевидению выступил комендант Тбилиси генерал-полковник Родионов, который объявил, что с 23 часов 10 апреля, т. е. через 5 минут, вводится комендантский час. Многие жители, не зная об этом, оставались в городе.

В эту же ночь было подвездено задержанию более 300 человек. Четверо ранено, один из них в критическом состоянии. Военские подразделения и боевые машины блокировали мосты, распадались вблизи важ-

ных объектов. Вечером, хотя часть предприятий приступила к работе, обстановка в городе оставалась довольно напряженной. Над Тбилиси летают вертолеты, постоянно перебиваются танки и бронетранспортеры, слышатся предупредительные автоматные очереди в местах, где скапливаются люди. Патрули снимают с машин черные ленты и бордовые с черным знаменами...

Для разработки мер по нормализации положения в Тбилиси прибыли члены Политбюро Э. А. Шеварднадзе и секретарь ЦК КПСС Г. П. Разумовский. 11 апреля объявлен днем траура.

По горячим следам безответственно делать выводы в столь сложной обстановке, однако безусловно то, что, с одной стороны, никакими политическими программами невозможно оправдать гибель ни в чем не повинных людей, и с другой -- защита государственных интересов, то есть интересов людей методами, подвергающими опасности жизнь этих людей, категорически неприемлема.

Разгоны несанкционированных митингов и демонстраций подобными средствами приносят нашей стране, вставшей на путь демократизации, гораздо больше вреда, чем сами эти митинги и демонстрации, даже если их квалифицировать, как многочисленные «сборища, инспирированные кучкой экстремистов».

Было напечатано в газете «Молодежь Грузии». Ю. РОСТ.